

Вот уж две недели, как по поселку ходили невнятные, но приятные для пенсионеров слухи о дополнительных денежных выплатах тем, кто нуждался в протезах. На какие протезы давали деньги, никто не знал – на руки, ноги или зубы? В местной газете ничего об этом не было, по телевизору и подавно, там все пели и что-то крушили. Новость Антонине Федоровне принесла соседка Кармакова, тоже старуха, которую пришлось угощать чаем с куском белого хлеба, намазанного сверху смородиновым вареньем, та без куска чай не пила. Антонина Федоровна, или, как ее звали в поселке, тетя Тося, говорила, что сама она пьет чай без куска, экономит, и вытирала кончиком платка сухой глаз. Вот и теперь вздохнула она о непредвиденных расходах на соседку, но не от жадности, а от нехватков. Из всей родни к старости у нее в живых остались сестра и один внук Сашка с женой Катей да двое правнуков, девочка собиралась идти в первый класс, парнишка – в третий. Внук мотался по стройкам, зарабатывал на жизнь, жена по дому да на огороде, денег еле хватало, но как-то жили, пока весной Сашка не сломал ногу. Сделали операцию, а нога все не заживала, детей в школу собирать, а денег нет, пенсия у Тоси как у всех, сильно не поможешь, но она помогала. Вот и сейчас, собираясь на почту за пенсией, она прикидывала, сколько отдать снохе, а сколько себе оставить. Поселок был вытянут вдоль реки, до центра неблизко, поэтому Тося собиралась в дорогу вдумчиво, долгими сборами, чаю не пила, чтоб не захотеть в уборную. Одежду тоже выбирала опрятную, но не нарядную, боялась завистников. Завидовать, по ее мнению, было чему: дом у нее справный, добротный сруб

из лиственницы, обложенный кирпичом, вода в дом проведена, а самое главное, покойный муж присоединился к поселковой канализации. Это было разрешено поселковым начальством не каждому, поэтому в доме был теплый туалет, и главная завистница соседка Кармакова не раз притыкала ее этим, хотя у самой тоже была теплая уборная, но с выгребной ямой, которую надо было чистить за деньги.

– Дали бы на протезы сколько-нито, малую-то как-нибудь в школу снарядить, – рассуждала тетя Тося, предусмотрительно вынимая изо рта пластмассовую челюсть, верхняя губа сразу ушла внутрь, придавая лицу жалкое и бессмысленное выражение. Она посмотрела в зеркало и одобрительно кивнул себе:

– То, что надо. Напишу заявление в поссовет об оказании материальной помощи, пусть бумага лежит, мало ли...

На почте пенсию дали крупными деньгами, сказали, что мелких нет, а ей надо было отдать снохе хоть на хлеб, пришлось тащиться в аптеку.

– Таня, мне от спины дай, – и подала аптекарше пятитысячную, та выдала Тосе нарядный тюбик и сдачу. Сдача была тщательно посчитана, но открыв кошелек, тетя Тося снова увидела в нем оранжевую пяти тысячную, которую она про себя называла «красненькой».

– Тань, я тебе, что ль, отдала красненькую? – спросила Тося.

– Отдали, вот она, я ее еще не убрала, а что?

– Да, ничего, без очков не вижу толком.

Тося вырулила на улицу, села на лавочку и снова пересчитала деньги, пятитысячная была лишней. Чудо это или не чудо, Тося не знала, хотя чудеса с ней случались. Вот тогда, когда лодку их перевернуло и свекор камнем пошел ко дну, она тоже было попрощалась с жизнью, хотя и боролась. Сапоги ей скинуть удалось, а вот ватник был туго застегнут, и намокшие петли держали намертво. Вот тут оно и вынырнуло бревно, прямо под руку, так до берега и дотащилась...

– Эта Светка, вертошарая, пенсию мне передала, – Тосе неохота было снова идти на почту, делать крюк, но она пошла. По дороге зашла в магазин, где бабы, перебивая друг друга, спорили, от кого ребенок у Ленки, но так и нашли от кого. Там купила буханку белого хлеба и селедку, расплатилась «лишней» пятитысячной и, получив сдачу, расстегнула кошелек, красная пятитысячная деньга была на месте. Антонина Федоровна вышла на улицу, попила ледяной воды из колонки, умылась и спросила вслух:

– Это чё такое? – И не получив ответа, потащилась на почту.

На почте она долго и вязко рассказывала всем желающим слушать, как у нее болит спина, а когда последние посетители ушли, то стала плаксиво уговаривать вертошарую Светку посчитать кассу. Ей пришлось наврать сорок бочек арестантов про свою кровную пятитысячную денежку, которая лежала у нее в кошельке до получения пенсии, и что она все-таки опасается, не передала ли ей Светочка лишнего. Идти домой проверять, на месте ли деньги, далеко, да и спина болит – терпелу нет, она вот и нервничает, а ей нельзя – давление.

– Никому нельзя, – огрызнулась Светка, – они по поселку таскаются с полными карманами денег, а я кассу считай, не так-то это запросто, приходите лучше завтра. – Но, поворчав еще немного, она все-таки посчитала и устало сказала: – Ничего я вам не передала, у меня все в копейка в копейку, это вот ваше поколение честное, а молодежь...

Обливаясь потом, Тося еле дошла до дому и рухнула на диван. Немного отдышавшись, она вынула из кошелька пятитысячную и стала ее

пристально разглядывать – деньга как деньга. Потом надела очки, посмотрела на свет – вот они, водяные знаки, все на месте...

К деньгам Антонина Федоровна относилась спокойно, как к припасам, которые необходимы для жизни. Хорошо, когда в погребе есть картошка с моркошкой, кадушка с квашеной капустой и все такое прочее, прожить можно. Хорошо, когда и деньги есть, без них как? В советское время у нее на сберегательной книжке лежали приличные деньги, на машину «Волгу» хватило бы. Кассирша Галя в поселковой сберкассе уважительно поджимала губы, солидно кивала, опускала глаза, демонстрируя тайну вклада, когда Тося приносила деньги. И она сама чувствовала свое некоторое тайное превосходство над другими бабами. В перестройку все пропало, тогда она и поняла призрачность житейских завоеваний, но завистники считали, что деньги у Тоси есть. И вот теперь дали ей деньги, может быть, за то, что своим горбом заработано, да недоплачено, за просто так бы не дали. Три года работала она матросом на барже, потом на лесопилке, все на мужских работах. Статная, полногрудая, с широко раскинувшейся спиной, в молодости она не уступала в работе мужикам. Несгибаемым стержнем Тосиной натуры было стахановское целомудрие, честность, и ее шестнадцать лет избирали депутатом поссовета.

Известно, что невозможное – лишь следующий шаг за пределы возможного, как еще объяснить эту удивительную непостижимую тайну, которая появилась в ней, как неопознанная и негаснущая эмоция. Она вспомнила, как третьего дня сидела ночью на лавочке в огороде, душно было в доме, и смотрела на небо. Прозрачная, глубинная, темная высь, далекие голоса, улетающие в нее... Августовские ночи всегда звездные, не насмотришься на такую красоту, в душе у нее была просьба и мольба, напрямую она Бога о деньгах не просила, стеснялась, отец Павел учил, что надо о духовном просить. Но просьба была, не настырная, не громкая, а где-то в затылке, тихая, а еще благодарность, что живая, что еще видит... Но материальное в ней все-таки перебарывало, да и все мы те Марфы, которые пекутся о мнозем, но ведь дадено же ей... И Тося стала думать, как завтра она пойдет еще в два магазина, где не была, а в субботу на рынок и снова испытает пятитысячную. Деньги в субботу она наменяла, а красная денежка так и лежала в кошельке целая. К вечеру Тося не вытерпела и пошла к своим, прикупив по дороге гостинцев малым. Эх, как Саня ожил и как Катя обрадовалась, когда она выложила на стол солидную пачечку.

– Вот вам, в школу малых снаряжайте, – с нарочитой кротостью сказала Тося.

– Бабуль, откуда деньги? – спросил Саня.

– Заначка, от самогонки, – тетя Тося иногда гнала самогонку и продавала по своим, продукт был надежный, брали охотно.

– А мы завтра едем с Саней гипс снимать в район, там и купим для детей все что надо, – обрадовалась Катя и заплакала.

– Ну чего ты, с ногой нормалек, я на нее уже тихонько наступаю, – успокоил ее Санька.

«Эх и дураки мужики, – подумала Тося, – она от радости плакала, что детей в школу снарядит».

– А мне тоже надо в район, протез натирает, вся десна распухла, завтра я с робятешками посижу, а послезавтра поеду, вы меня к зубному запишите, – соврала Тося.

Она ждала нового похода по районным магазинам со сладким, почти непереносимым предвкушением. В районе, побывав в нескольких магазинах и снова наменяв денег, тетя Тося почувствовала себя как-то моложе, и в ней проснулась девичья, необузданная жажда больших приключений. Она решительно зашла в кафе, цены ее ужаснули, но она бестрепетно купила беляш и кофе, а на обратном пути в автобусе стала икать:

– Я завсегда от казенной пищи икаю, – хвастливо объясняла она знакомым пассажирам, давая понять, что в районном центре она была в кафе. От волнения и с перепугу она в районе ничего не прикупила и шла домой с пустой сумкой, почти не шаркала ногами, пахло яблоками, детством, лицо горело счастьем. По дороге она повстречала бывшего своего одноклассника Аркадия Петровича, они с ним сидели за одной партой, он здорово соображал по физике, потом выучился и стал преподавать в Полянской школе математику и эту физику. Однажды, к седьмому ноября, они выпустили стенгазету «Слава советской науке», где Тося нарисовала молекулу в юбочке, а фотона в брючках, Аркадий нежно ей улыбнулся тогда, но женился на Ниночке Красновой, которая не видела большого различия между молекулой и микробом.

– Как жив-здоров, комсомолец? – спросила она.

– Плохо, Тося, болею...

– Что болит?

– Мужская болезнь у меня, не ссытся, Тося.

– Совсем, что ли?

– Напору нет, на операцию гонят.

– А у кого он есть, напор-то? И чего ты раскис, по бокам развис?

– Что ж, и у баб тоже?

Тося безнадежно махнула рукой.

– Иди, пока зовут, вон сосед твой сколько операций пережил, уж и под святыми леживал, а ко мне за самогонкой до сих пор бегаешь.

– Вон как, значит, у всех, – оживился Аркадий Петрович.

«Тогда на операцию надо, Тоська плохого не посоветует, – решил бывший комсомолец и потопал, в душе напевая: – Надо, надо, надо нам, ребята, жизнь хорошую прожить...»

У калитки она отогнала коз, те хорошо знали слово «нахалки» и не возражали. Наплывали из-за реки тучки, и перед переменной погоды у забора дрались куры, захлебываясь, куковала кукушка.

Энергия нетерпения поскорее нажить деньги не давала ей покоя, она ходила по избе, ерзала, сидя на диване, ела варево, не чувствуя вкуса. Приперлась опять эта Кармакова, одна из самых надежных сплетниц поселка, осмотрев Тосю и все вокруг нее цепким взглядом дознавателя, освежившись пересудами и сплетнями, она перешла к главному:

– Говорят, Тося, ты разбогатела, в магазинах одними пятитысячными расплачиваешься, – Кармакова поджала губы, это выражение удовлетворенности заменяло ей улыбку.

Тетя Тося зевнула и рассеянно почесала темечко, отросшим ногтем на мизинцем стала выковыривать перхоть из-под ногтей и вытирать об задницу. Все эти искусно проделанные ею маневры должны были нейтрализовать подозрения Кармаковой.

– Зараза Ленка, шампунь присоветовала, вся голова в перхоти, – ворчала она.

– Хозяйственным мылом надо мыть, – автоматически отозвалась соседка и автоматом же облаяла продавщицу в хозтоварах. Потом,

опомнившись, перешла к главной теме: – Ну, и че ты стоишь, руки в боки, глаза в потолоки, где пятитысячные взяла?

– Светка дала пенсию крупными, а мне снохе надо отдать, детей в школу одеть, обувь надо, малая-то в первый класс идет.

– А третья откудовиши? – едко спросила Кармакова.

– Заначка от самогонки, три деньги в день, куда хошь, туда и день.

Кармакова понимающе кивнула и, наконец, успокоилась.

Да, это в городе можно жить автономно, как сыч в дупле, а в деревне все на виду и все подлежит суду и оценке.

– Сама-то как? – Тося умело уводила разговор в нужную ей колею, соседка охотно рассказывала о себе, и всегда с умилением и нежностью. Нога у ней ноженька, рука – рученька, болит – спинушка. Тося предусмотрительно стала жалобиться на спину и ногу, намекая на неизбежную поездку в область, к врачам. Спровадив соседку, Тося снова стала думать о деньгах: в районном центре менять деньги опасно, а в областном и за год все магазины не обойти. Кроме того, там жила ее старшая сестра Раиса, которая в редком, но каждом письме звала ее в гости. Поездка затевалась нешуточная, и вставал вопрос, куда спрятать грядущие деньги, и еще вопрос, как объяснить их появление. Фантазия как психическая функция у тети Тоси отсутствовала, вариант был один – в сумерках найти в безлюдном переулке сумку с деньгами, потерянную пьяным олигархом или в крайнем случае тоже пьяным бандюганом. Принимая этот вариант, за основу Тося поехала в город, который всегда представлялся ей воплощением той прекрасной праздности, в которой жила ее сестра.

Каждый день Тося таскалась «по врачам», и ей становилось как бы легче, наменянные деньги были завернуты в марлю и примотаны к ноге. В воскресенье сестрица Рая раным-рано включила телевизор и, кряхтя, стала задираť сухие кривоватые ноги и хлопать под коленками. При этом коленки у нее скрипели и щелкали, как бы не сковырнулась, подумала о сестре Тося.

– Ты чего ломаешься?

– По телевизору велели, для здоровья, установка такая дадена.

Тося давно подозревала в сестре тихую придурь, та собирала какие-то наклейки, участвовала в различных лотереях и однажды получила приз – триста рублей. Это укрепило ее веру в то, что вещают по всем сорока каналам, вот и теперь она, закончив приседания, взяла ручку и стала записывала номера шариков, которые выплевывал специальный аппарат по производству призов. Было, конечно, у сестры Раи и хорошее качество – она не храпела. Тося тупо смотрела в телевизор, прикидывая, сколько надо заплатить, чтобы в избу провели газ, вроде бы хватало... Упитанный дядька в телевизоре махал руками, подпрыгивал и тряс животом:

– Кто же, кто же этот счастливищик? Вот они, эти волшебные цифры! – У Тоси от догадки волосы встали дыбом, она вихрем подскочила к комоду, схватила ручку и тут же на газете написала эти и в самом деле волшебные цифры. Раечка одобрительно покивала ей, наконец-то и сестра поняла, что картошкой да капустой богат не будешь. Она скажет Сашке и снохе, думала Тося, что выиграла в спортлото, попробуй, проверь, да и кому проверять надо, кроме Кармаковой, да и та не докопается. Засобиравшись домой, она, как водится, пригласила племянницу в гости. Племянница работала оператором, чем она оперировала и где, никто не знал, и поэтому помалкивали. Воспоминания ее племянницы

Риты о деревне исчерпывались дождем, непролазной грязью на дорогах, жирными комарами и жареной картошкой. Но на этот раз она не жеманилась и пообещала приехать.

Тетя Тося готовилась к гостям основательно, покупала сомятину для пирогов, колбасу подороже, ко времени гость не в убыток. Новость о том, что баба Тося угадала в спортлото, Сашка воспринял с удивлением и недоверием:

– Не, ты лучше сразу колись, бабуль, где деньги взяла.

– Где сказала, там и взяла, сам проверь.

– И зачем они тебе?

– Как зачем? Газ проведу, тяжело мне с дровами возиться, буду жить как Раиса – та днями из дома не выходит. А когда помру, дом тебе достанется в полном комплекте, плохо ли?

Известно, что бесплатный газ бывает только в желудочно-кишечном тракте, а в другом месте надо платить немалые деньги, и вот на газовый котел не хватало. Надо бы поехать в район, наменять маленько, да прикатила племянница Рита, Тосе пришлось топить баню и печь пироги. Умаявшись, она прилегла в своей крошечной спальне, завернутая в марлю заветная пятитысячная выпала на пол из-под платка на пояснице. Брезгливая Рита подняла двумя пальцами кусок желтоватой марли со специфическим старушечьим запахом и кинула его в печь с непрогретыми углями, раздался громкий хлопок, чугунную дверцу вышибло, как от взрыва. Услышав хлопок, тетя Тося подскочила и прибежала на кухню. Чугунная дверка у печи была распахнута, угли вывалились на прибитый к полу лист железа перед топкой, испуганная Ритка кричала:

– Ты чем марлю-то обмазала? Ракетным топливом, что ли?

Тетя Тося обмерла:

– Какую марлю?

– А ту, что к пояснице прикладываешь, под пуховым платком, воняет как не знаю что. Я ее в печку бросила, так она так пыхнула, чуть меня не убило.

Тете Тосе хотелось завить, запричитать, потом поколотиться головой о печную вьюшку, потом отдубасить дуру Ритку, потом... но нет у нас такого ритуала, как оплакивание потери денег. Ни попричитать, ни поплакать, ни похоронить, ни помянуть...

– Рита, я на кладбище схожу, у покойной свекрови сегодня день рождения, помолюсь и свечку в часовне поставлю, – дрожащим голосом сказала Тося.

– Какое кладбище после бани? – буркнула Ритка, но Тося вышла не обернувшись.

На кладбище в будний день никого не было, у тети Тоси вся родня была похоронена рядом, там она и поплакала, попричитала и пожаловалась на дуру Ритку и на себя. Жаловалась она покойной свекрови, при жизни-то они не очень дружили, а потом оказалось, что только она и понимает Тосю во всех подробностях. На обратном пути Тося уже только вздыхала и думала, что может быть и такое, что этой пятитысячной она откупилась от какого-нибудь горя, на том и успокоилась.

Мало кто понимает опрятность деревенского быта. Тетя Тося имела в поселке устойчивую славу аккуратной и опрятной старушки. В молодости она «микробу ловила», но и состарившись была опрятной и аккуратной. Отчасти это объяснялось хорошим здоровьем, ей не в тягость были домашние дела. Однажды ее спросили, какое удовольствие может она иметь в преклонном возрасте, на что Тося простодушно ответила:

– А вот какое: выйду я в огород, посмотрю кругом – везде порядок, картошка прополота, окучена, на грядках ни травинки, найду в дом, там тоже чисто, вот это мне и удовольствие.

Кто из деревенских не знает приятную теплую сырость свежewe-мытого пола, натянутые полосатые домотканые половички, тот не понимает, что такое настоящий уют русского дома. Выпавшие из печи угли были замечены Риткой в угол, а это не дело, золу только сырой тряпкой уберешь, а так будет таскаться по полу. Тося принесла совок с ведром и стала выгребать из печи золу, прикидывая, куда ее потратить, решила, что в малину. Она шарила глазами по золе, решетке в надежде увидеть хоть уголок пятитысячной. Там ведь знают, что не я это сотворила, оправдывалась она, а кто знает и где знают, думать боялась. Стала выгребать золу из поддувала, и вдруг в ведро золотым слитком скользнуло что-то... Она взяла в руки – бумажка, новенькая, желтая с золотыми завитками, на ней солидными, крепкими цифрами была написана единица и четыре нуля рублей. И словами было написано – десять тысяч рублей. Ноги подкосились, и с корточек Тося осела на пол, под цифрами стояли буквы и длинный номер, все как у денег. Бумажка была плотная, с ровными краями, и пахло от нее как от шоколадки...

– Теть Тось, иди-ка сюда, скорей, скорей, – криком позвала ее Рита из горницы.

Тося машинально спрятала бумажку за пазуху, корячась, поднялась с полу и забежала в комнату.

– Глянь-ко, новую деньгу нам правительство выдало, десятитысячную! Это чтоб олигархам быстрее деньги считать!

Ритка еще долго рассуждала, как на самом деле следует поступать правительству, но Тося впиалась глазами в телевизор, где то и дело на весь экран показывали новую деньгу. Это была она, та самая, из поддувала, ее живая денежка.

– Теть Тось, ну чего ты выпялилась-то, аж слюни потекли, не про нас эти денежки.

Диктор в телевизоре пел соловьем, что зарплаты у граждан растут, пенсии тоже, и что настигла необходимость, и что народ намекнул, и что новая деньга будет доставлена в первую очередь не только в Москву, но и в регионы...

– Ой, эмоции зашкаливают, в регионы они пошлют... – племянница несколько раз на дню повторяла, что у нее зашкаливают эмоции. Тося не знала, что и думать.

Она вышла во двор, зашла за амбар и вынула из-за пазухи новую деньгу, подержала ее руках, чувство вновь подаренной жизни охватило ее нежным теплом и покоем. Назавтра гостья уехала, освеженная целебным воздухом и довольная новым асфальтом у Тосиного дома. Вечером Тося сидела на лавочке в огороде и смотрела на звезды.

«Ох и насеяно, – думала она, глядя на небо, – это я еще очки для дали не надела. Аркашка говорит, что все живые, и фотоны стайками, и молекулы в цепочки выстраиваются и, соединяясь, наверное, молятся, чтобы произошло чудо».

И Тося вместе с ними непоколебимо, но тишком верит, что так бывает. Между прочим, часто бывает, а люди как-то мимоходом относятся к чудесам, считают, что так и должно быть, забывают... А ведь и глухой услышит, как все вокруг говорит и поет: «Всякое дыхание да хвалит Господа!» – и фотоны, и молекулы, и она сама.